

Кара-Мурза С.Г.

ПРИВАТИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Кара-Мурза Сергей Георгиевич – доктор химических наук, профессор

Ключевые слова: приватизация, восприятие в разных группах населения, легитимность собственности, методология, проблема интерпретации ответов респондентов из разных поколений.

Социологическое исследование кризисного общества ставит исследователя перед невыполнимой задачей – подойти к предмету беспристрастно, на время, ощутив себя «по ту сторону добра и зла». Особенно это трудно, когда общество переживает тяжелую культурную травму, избежать которой не мог и сам наблюдатель. Тем не менее, за двадцать лет, ведя исследования в зоне бедствия, российские социологи создали огромный массив систематизированного знания.

Накопились длинные временные ряды наблюдений в условиях быстрых глубоких изменений, началась «уборка урожая» – теоретическая обработка коллекций. Здесь дадим обзор изучения общественного мнения о **приватизации промышленности**, проведенной в 1992–1995 гг. Это изучение специально вели несколько групп ученых, кроме того, многие авторы касались проблемы вскользь, как частного аспекта других тем, но при этом тоже делали ценный вклад в общий массив информации.

В исследовании 2005–2006 гг., самом основательном в последнем десятилетии, так определяется статус приватизации как социального факта: «Самым существенным моментом в экономических, а стало быть, и в социальных, преобразованиях в России в последние пятнадцать лет явилось кардинальное изменение роли частной собственности в жизнедеятельности российского социума. Именно ее утверждение в качестве базовой формы собственности означало переход от одной общественно-экономической формации (так называемый «развитый социализм») к другой (олигархический капитализм)... Очевидно, что глав-

ным инструментом [реформаторов] и в 1990-е годы, и в настоящее время является приватизация. Именно на ее основе была осуществлена небольшой группой номенклатурных чиновников экспроприация собственности государства и денежных средств населения» [1]¹.

Вначале приведем фактическую справку и некоторые оценки специалистов.

Не составляет секрета, что выбор разрушительной для хозяйства России доктрины реформ преследовал *политические* цели. Главной целью были демонтаж советской политической системы, ликвидация Варшавского блока и самого СССР. В 2010 г. в прессу было передан ролик интервью с А. Чубайсом 2001 года. Зачем-то было надо. Там он так говорил про ваучерную приватизацию, организатором которой считается:

«Мы занимались не сбором денег, а уничтожением коммунизма. Это разные задачи, с разной ценой... Мы знали, что каждый проданный завод – это гвоздь в крышку гроба коммунизма. Дорого ли, дешево, бесплатно, с приплатой – двадцатый вопрос, двадцатый. А первый вопрос один: каждый появившийся частный собственник в России – это необратимость. Это необратимость... Приватизация в России до 97 года вообще не была экономическим процессом..., она решала главную задачу – остановить коммунизм. Эту задачу мы решили. Мы решили её полностью» [20].

Примерно так же он представлял цели залоговых аукционов 1995–1996 гг.: «Моя позиция вообще такая неэкономическая. Я до сих пор считаю, что залоговые аукционы создали политическую базу для необратимого разгрома коммунистов на выборах в 1996 году. Это же были настоящие «командные высоты», крупнейшие предприятия страны с «красными директорами» во главе. И этого одного достаточно, чтобы считать их позитивным явлением.... И ты, поэтому должен согласиться, что результаты выборов появились в значительной степени благодаря залоговым аукционам» [22]².

¹Исследование проведено методом опроса выборки 2800 человек из более чем пятидесяти населенных пунктов городского и сельского типа в основных географических и социально-экономических зонах страны, вместе с опросом 700 компетентных экспертов.

²Е. Ясин излагает смысл залоговых аукционов так: «Ельцин нарушил тогдашнюю конституцию, то есть прибег к государственному перевороту. Это позволило удержать курс на реформы... Единственным социальным слоем, готовым тогда поддержать Ельцина, был крупный бизнес. За свои услуги он хотел получить паковые куски государственной собственности. Кроме того, они хотели прямо влиять на политику. Так появились олигархи» [24].

В этом плане интервью Чубайса никакой новости не открыло: реформаторы и не ждали от их реформы каких-то положительных экономических результатов, они проводили большую военную операцию против СССР, не считаясь с потерями, которые несла экономика и население. Задолго до Чубайса об этом писала западная пресса. Газета «Файнэйшл Таймс» 16 апреля 1991 г. писала: «Западные правительства и финансовые институты, такие как Международный валютный фонд и Всемирный банк, поощряли восточноевропейские правительства к распродаже государственных активов, что было призвано послужить средством привлечения западных инвестиций, создания рыночной экономики и разрушения оплота в лице государственной бюрократии. Со своей стороны, правительства рассматривали приватизацию как **средство разрушения базы политической и экономической власти коммунистов**» [23].

Давая 6 апреля 1991 г. обзор американской печати о ходе приватизации в Восточной Европе, газета «Тайм» признает: «Поскольку приватизация считается болезненным, а порой и сомнительным процессом, такие западные финансовые учреждения, как Всемирный банк, Международный валютный фонд и новый Европейский банк реконструкции и развития, должны оказать помощь, чтобы она прошла успешно. Профессор Сакс говорит: «Нам на Западе придется **подкупать и уговаривать** эти правительства идти вперед».

Однако в искренность Чубайса мало верится – в интервью он представляет приватизацию как благородное дело борьбы с «империей зла». Но невозможно скрыть две другие стороны дела:

- приватизация была невиданным по масштабам присвоением национального достояния небольшой прослойкой «своих», кадров новой власти, повязанных этой дележкой;
- приватизация привела к избыточным разрушениям народного хозяйства и общества, каких не требовалось для решения политической задачи; она привела к такому глубокому регрессу России, что объективно оценивается как большая операция в «войне наций» (или даже цивилизаций).

От рассмотрения этих сторон приватизации Чубайс и старается отвести своим «сенсационным» признанием.

Что касается криминального раздела национального достояния России, спора и не возникает, все ясно. Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц говорит о приватизации самых рентабельных предприятий через залоговые аукционы так: «Частные банки оказались собственниками этих предприятий путем операции, которая может рассматриваться как фик-

тивная продажа (хотя правительство осуществляло ее в замаскированном виде «аукционов»); в итоге несколько олигархов мгновенно стали миллиардерами. Эта приватизация была политически незаконной. И тот факт, что они не имели законных прав собственности, заставлял олигархов еще более поспешно выводить свои фонды за пределы страны, чтобы успеть до того, как придет к власти новое правительство, которое может попытаться оспорить приватизацию или подорвать их позиции» [25].

«Подкупить и уговорить» новую власть России Западу не составило труда – тут власть утоляла свою внутреннюю ненависть к СССР и заодно получала куш в размере триллионов долларов. Поэтому в 1991 г. Верховный Совет СССР, а затем и Верховный Совет РСФСР приняли законы о приватизации промышленных предприятий, а в 1992–1993 гг. эта массовая приватизация была проведена – так торопливо, что даже и закон игнорировали.

Эта приватизация является самой крупной в истории человечества акцией по *экспроприации* – изъятию собственности у одного социального субъекта и передаче ее другому. При этом никакого общественного диалога не было, власть и не спрашивала согласия собственника на приватизацию. По своим масштабам и последствиям, она не идет ни в какое сравнение с другой известной нам экспроприацией – *национализацией* промышленности в 1918 г. Тогда много крупнейших заводов и раньше были государственными (казенными), а большая часть промышленного капитала в России принадлежала иностранным фирмам. Поэтому национализация непосредственно коснулась очень небольшой части буржуазии, которая к тому же была в России очень немногочисленной.

Совершенно иной характер носила экспроприация промышленности в 90-е годы XX века. Теперь небольшой группе «частных собственников» была передана огромная промышленность, которая изначально была практически вся построена как *единая государственная система*. Это был производственный организм совершенно нового типа, не известного прежде. Он был важным основанием российской цивилизации индустриальной эпохи XX века.

Советское хозяйство, на 90 % построенное уже после войны, к 1990 году представляло собой специфическую систему, созданную как единый сросшийся с государством организм. Аналогии с западным или дореволюционным российским хозяйством познавательной ценности тут не имеют, нечего на них и ссылаться. Никаких теоретических разработок переделки такого хозяйства в рыночную экономику западного типа у ре-

форматоров не было. Их доктрина не имела никаких разумных оснований, кроме стремления «уничтожить коммунизм» и при этом нагреть руки.

Приватизации подверглись не те предприятия, которые были национализированы в 1918–1920 гг. Те, что сохранились после 7 лет войны (1914–1921 гг.) и были национализированы, производили 0,17 % от объема производства промышленности СССР 1990 года. После 1991 г. была приватизирована промышленность, *полностью созданная советским народом* – в основном, поколениями, родившимися после 1920 года. Большого числа отраслей не существовало в 1913 году. Многие под идеологическим давлением перестройки и реформы это как будто забыли.

Приватизация ни в малейшей степени не была «возвращением предприятий, национализированных советской властью, их законным хозяевам». Приватизация – это изъятие промышленных предприятий у народа, который их построил и содержал, вкладывая в них свой *неоплаченный* труд и ограничивая себя даже в скудном потреблении – чтобы оставить потомкам сильную и независимую страну. Так тогда понимали это дело те, кто строил заводы и на них работал.

В экономическом, технологическом и социальном отношении расчленение промышленной системы России означало катастрофу, размеров и окончательных результатов которой мы и сейчас еще не можем полностью осознать. Система пока что сохраняет, в искаженном виде, многие свои черты. Но уже сейчас зафиксировано в мировой науке: в России приватизация привела к небывалому в истории по своей продолжительности и глубине экономическому кризису, которого не может удовлетворительно объяснить теория.

Власти и СМИ старательно отвлекают еще от одного смысла приватизации: она была механизмом *деиндустриализации* России и ряда постсоветских республик. Были созданы условия, когда новым собственникам было выгодно не получать предпринимательский доход от эксплуатации предприятия, а прекратить производство, продать за рубеж оборудование и запасы материалов, а здания сдавать в аренду – или вообще продать иностранцам пакет акций, даже противозаконно, чтобы они ликвидировали это производство в России. Так были уничтожены самые высокотехнологические производства и целые отрасли промышленности. Как показывает опыт, в нынешней системе шансов на возрождение этих отраслей очень мало или нет совсем. Россия выпала из числа промышленных держав³.

Вот непосредственные последствия приватизации.

- Были разорваны внутренние связи промышленности, и она потеряла системную целостность. Были расчленены (в среднем на 6 кусков) промышленные предприятия, вследствие чего они утратили технологическую целостность. Объем промышленного производства упал в 1998 г. до 46,3 % от уровня 1990 г. (а в машиностроении в 6 раз).

- Произошла структурная деформация промышленности – резкий сдвиг от обрабатывающей к сырьевой (и экспортным отраслям, производящим «упакованную» энергию в виде энергоносителей, металлов и удобрений). Ряд системообразующих отраслей почти утрачены, как, например, тракторостроение, авиационная и фармацевтическая промышленность.

- Была разрушена сбалансированная система цен, что парализовало отечественный рынок многих видов продукции (например, сельскохозяйственных машин и удобрений). В ряде отраслей новые «собственники» распродали основные фонды (так, Россия утратила 75 % морского торгового флота). В добывающей промышленности не воспроизводится сырьевая база – разведка полезных ископаемых сократилась многократно. Сооружения, машины и оборудование эксплуатируются хищнически, на износ. Беспрецедентная авария на Саяно-Шушенской ГЭС – это глас свыше нынешней власти.

Уход государства из хозяйственной системы (ликвидация Госплана, Госснаба, Госстандарта и Госкомцен) неизбежно и моментально привел к ее краху. Ход процесса был довольно точно предсказан. Академик Ю.В. Яременко писал в 1990 г.: «Пока нет другого способа поддержания равновесия кроме целенаправленной, централизованной деятельности Госплана. Отсюда вытекает и необходимость сохранения главных инструментов этой деятельности – значительной величины централизованных капитальных вложений, существенного объема госзаказа на сырьевые ресурсы» [26].

Только благодаря «партизанскому» сопротивлению и самих хозяйственных структур, и среднего звена госаппарата удалось сохранить для России хотя бы половину ее экономического потенциала. На рис. 1 видно,

³Н.П. Шмелев так определил перспективы России: «Наиболее важная экономическая проблема России – необходимость избавления от значительной части промышленного потенциала, которая, как оказалось, либо вообще не нужна стране, либо нежизнеспособна в нормальных, то есть конкурентных, условиях. Большинство экспертов сходятся во мнении, что речь идет о необходимости закрытия или радикальной модернизации от 1/3 до 2/3 промышленных мощностей» [31]. Реально ни о какой «радикальной модернизации» речи и не заходило, выпогнялась именно программа дендустриализации.

какого масштаба промышленное строительство было осуществлено в послевоенные годы в СССР, а также темп и глубину спада промышленного производства в совокупности постсоветских республик (СНГ) после приватизации.

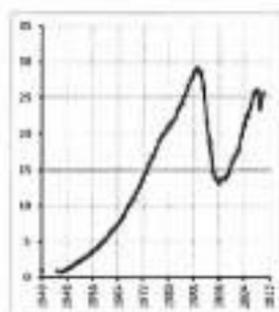

Рис. 1. Индексы промышленного производства СССР и СНГ, 1940 = 1

Приватизация 90-х годов стала небывалым в истории случаем теневого соглашения между бюрократией и преступным миром. Две эти социальные группы поделили между собой промышленность России. Этот союз бюрократии и преступности нанес по России колоссальный удар, и неизвестно еще, когда она его переболеет.

Молодой аспирант-биохимик Каха Бендукидзе «скупил ваучеры» и приобрел «Уралмаш». Сам он говорит в интервью газете «Файнэншл Таймс» от 15 июля 1995 г.: «Для нас приватизация была манной небесной. Она означала, что мы можем скупить у государства на выгодных условиях то, что захотим. И мы приобрели жирный кусок из промышленных мощностей России. Захватить «Уралмаш» оказалось легче, чем склад в Москве. Мы купили этот завод за тысячную долю его действительной стоимости» [27]. Заплатив за «Уралмаш» 1 миллион долларов, Бендукидзе получил в 1995 г. 30 млн. долл. чистой прибыли.

Приватизация 1990-х годов сопровождалась замалчиванием важного знания об этом процессе, включая знание о свежем опыте приватизации в Польше и Венгрии. Более того, имела место и дезинформация о важных сторонах проблемы. В 1992 г. группа ведущих иностранных экспертов (социологов и экономистов) под руководством М. Кастельса посетила Москву. Она провела интенсивные дискуссии с членами Правительства Российской Федерации. После отъезда группа составила доклад Правительству России, который был опубликован лишь в 2010 г.

В докладе эти эксперты критикуют доктрину приватизации и, изложив свои аргументы, напоминают хорошо известные вещи: «Рыночная экономика не существует вне институционального контекста. Основной задачей реформаторского движения в России сегодня является в первую очередь создание институциональной среды, т.е. необходимых условий, при которых рыночная экономика сможет функционировать. Без подобных преобразований рыночная экономика не сможет развиваться, не создавая при этом почвы для спекуляций и воровства. То есть создание эффективной рыночной экономики принципиально отличается от простой задачи передачи прав собственности от государства и старой номенклатуры к успешным частным управляющим... Культура куда важнее масштабов приватизации».

Они так характеризуют общности, которым в ходе приватизации предполагалось передать основную массу промышленной собственности: «В настоящий момент все они так или иначе демонстрируют паразитическое поведение, их действия носят не инвестиционный, а спекулятивный характер, свойственный в большей мере странам «третьего мира»... Такая ситуация характерна скорее не для зарождающегося, а для вырождающегося капитализма. Фактически идет процесс передела накопленной собственности, а не создание нового богатства. В этих условиях исключительно либеральная экономическая политика, основанная на непродуманной и неконтролируемой распродаже государственной собственности, обречена на провал, что приведет лишь к усилению власти спекулятивных групп в российской экономике».

И вот общий вывод: «Резюмируя все сказанное, мы утверждаем, что существующая концепция массовой приватизации является главной ошибкой, которую Россия может совершить в ближайший год реформ» [21].

М. Кастельс, А. Турен, и их коллеги-эксперты высказали принципиальные, очень важные суждения о начавшейся в России приватизации, которые быстро получили эмпирические подтверждения. Но эти суждения не были приняты во внимание и скрыты от общества и от научной общественности.

Чтобы обозначить подобные когнитивные аномалии, которые становятся, чуть ли не нормой в ходе нынешнего мирового кризиса, в социологический лексикон вводится термин *идеи-кентавры*. Инициатор применения этого термина Ж.Т. Тощенко пишет:

«Что представляют собой кентавр-идеи, как они рождаются? В-первых, это *полный или частичный разрыв между реальностью и представлениями о том, что должно или может быть*. Нередко

они содержат идеализированное или умышленно искаженное представление о состоянии или возможности решать конкретные проблемы, исходя из воображаемых методов и средств, сконструированных умозрительно. В современной действительности кентавр-идеи приобретают порочную, порой зловещую определенность при попытке реализации, несмотря на то, что никак не коррелируют с реальностью, в которую их собрались внедрить. В результате авторы этих идей продолжали настаивать на их выполнении при жесточайшем (к сожалению, нередко пассивном) сопротивлении тех, на кого идеи были направлены. Кентавризм создавал огромные помехи в организации нормальной жизни людей...

Что касается нашей действительности, можно привести идеи Гайдара и его сторонников о том, какая должна быть Россия в будущем. Порок их задумок состоял в том, что они не имели отношения к действительности и не учитывали реальности российской жизни, состояние экономики, менталитет народа. Гайдар и подобранная им команда не знали реальной жизни, судили о ней по статистическим сборникам. И была у них ничем не подкрепленная вера, что рынок сам, без участия государства, всё отрегулирует, напосит и накормит страну. И вопреки обещаниям, «научным» расчетам, что реализация их идей приведет к повышению цен в 3–5 раз, в первый же год реформ цены в среднем скакнули на 2600 %. И это при полном игнорировании интересов и потребностей народа. Когда в феврале 1992 г. Гайдару доложили, что в Зеленограде зафиксировано 36 голодных смертей, он спокойно ответил: «Идут радикальные преобразования, уход из жизни людей, не способных им противостоять, дело естественное» [28].

Не будем гадать, по неведению действовали «Гайдар и его команда», или по осознанному рациональному плану, опираясь на точное знание «реальности российской жизни, состоянии экономики, менталитета народа» (возможно, это было знание не самого Гайдара, а его консультантов-советологов из США). Важно, что речь идет о грубом и даже жестоким воздействии на реальность при сокрытии и целей, и предполагаемой социальной цены. Я бы назвал описанный выше класс подобных идей «волки в овечьей шкуре», но авторитетные социологи знают лучше, пусть будут кентавр-идеи.

Для нас важно, что концепция приватизации никак не могла быть заблуждением реформаторов – масштаб противоречия между их концепцией и российской реальностью был им прекрасно известен. Ж.Т. Тоценко так пишет о приватизации: «Кентавр-идеи появляются в случае смешения научного и политического (идеологического) подходов.

То, что наука заинтересована в объективном знании, не оспаривается никем. Как и то, что политика и идеология преследуют цели, не всегда совпадающие с логикой научного познания. Но в реальной политической жизни появляются идеи, которые базируются вроде бы на научных основах, но преследуют отнюдь не научно-обоснованные цели. Особенно наглядно это проявилось в так называемой ваучеризации, идею, которой приписывают Чубайсу (по утверждению соратника по «кружку» Чубайса В. Найшуля, он эту идею продвигал в советское время), которая породила вопиюще несправедливое распределение национального богатства и его концентрацию у немногих» [28].

Признаком кентавр-идеи была сама Концепция закона о приватизации (1991 г.), в которой называются такие главные препятствия ее проведению: «Мировоззрение поденщика и социального иждивенца у большинства наших соотечественников, сильные уравнилельные настроения и недоверие к отечественным коммерсантам (многие отказываются признавать накопления кооператоров честными и требуют защитить приватизацию от теневого капитала); противодействие слоя неквалифицированных люмпенизированных рабочих, рискующих быть согнанными с насиженных мест при приватизации».

Расщепление сознания видно уже в том, что такая антирабочая фразеология **официального** документа пришла под лозунгами демократии! Она свидетельствует о том, что эксперты и советники властной верхушки впали в мальтузианский фанатизм времён «дикого капитализма» и это в конце XX века было признаком близкого бедствия.

Опять же, не будем спорить, имело ли здесь «смещение научного и политического (идеологического) подходов». На мой взгляд, в кентавр-идее Чубайса не было ни атома научного подхода, как у взрывника, заложившего в указанное место динамит и поджигающего бикфордов шнур.

Перейдем к рассмотрению **отношения** населения России к приватизации промышленности. Известно, что **объективный** факт не воспринимается в общественном сознании сам по себе, как нечто данное в своей истинности. Его образ создается идеологическими и культурными средствами (в нашем случае, грубо говоря, «телевизором»). Американский социолог Дж. Александер пишет, что реальное событие переживается в зависимости от того, как его преподносят в культуре: «События – это одно дело, представление этих событий – совсем другое. Травма не является результатом переживания групповой боли... Коллективные акторы «решают», представлять ли им социальную боль как фундаментальную угрозу их чувству того, кто они есть, откуда они пришли, куда они идут» [2].

Для нашей темы из этого следует, что оценка приватизации как «добра» или «зла», есть, по выражению Александра, «продукт культуральной и социологической работы». Очевидно, что приватизация, будучи «главным инструментом» реформ, стала объектом такой позитивной пропаганды, какую только могли обеспечить «культуральные и социологические» ресурсы новой политической системы. Отсюда вытекает вопрос: что действительно измеряет социолог, какую скрытую (латентную) величину, используя как индикатор «долю положительных и отрицательных оценок» – осознанное мнение опрошенных или качество пропаганды приватизаторов? В любом случае, сдвиг в сознании, произведенный пропагандой в сторону положительных оценок, надо иметь в виду.

Если «события – это одно дело, представление этих событий – совсем другое», то к чему относится оценка общества? Индикатором чего является выраженная в пропорции ответов оценка? Как разделить веса двух разных величин, которые являются *антиподами* и совместно определяют оценку? Первая величина – это реальная «групповая боль», превращенная размышлениями трудящихся и их неслышным каждодневным плебисцитом в образ, интеллектуальную и духовную конструкцию, которая работает в сознании и чувстве. Социологи именно это имеют в виду, говоря об *отношении населения к приватизации*.

Но ведь с этой величиной суммируется и вторая величина, «нейтрализующая» первую – «продукт культуральной и социологической работы» идеологической машины реформаторов. Сила этой величины определяется количеством и качеством этого продукта, производство которого никак не связано с мнением населения. Как в работе социолога нейтрализовать эту вторую величину, чтобы измерить искомую первую величину, которая стала латентной, «покрытой» и деформированной продуктом идеологической машины?

Какого-то одного надежного метода нет, нужны аргументы, усиливающие или ослабляющие правдоподобность выводов. Для этого полезно построить *временной ряд* оценок, т.е. измерить сходные параметры в разные моменты действия идеологической машины. Надо также сделать дополнительные измерения, по возможности независимыми методами с иными индикаторами.

Для первого подхода ценный материал стал накапливаться с течением времени, а непосредственно в период приватизации информированность работников была крайне скудной и, соответственно, отношение определенным. Смысл операции и ее последствия от самих работников *скрывались*. В будущем это нанесет сильный удар по легитимности приватизированной собственности.

Вот, для примера, описание процесса приватизации Кировского завода, одного из крупных предприятий машиностроения.

«...В начале 1992 г. конференция трудового коллектива по инициативе руководства приняла еще одно решение об акционировании предприятия... . Далее процесс можно уже было назвать собственно акционированием: появилась законодательная база, действовали Закон и Программа приватизации (на 1992 г.), другие директивные и методические документы... . Однако отношение работников к собственно приватизации отличалось от прежней активной позиции, походило скорее на реакцию «здорового консерватора», недоверчивого ко всяким нововведениям... . Реакция в целом характеризовалась индифферентностью, была сродни той, которая наблюдается при проведении ваучеризации, приватизации жилья. По результатам социологического опроса были согласны с приватизацией завода, даже после того, как акт акционирования состоялся, около 60 %. Противников акционирования было мало (примерно 15 %), но и активных сторонников (именно активных) тоже оказалось немного. Таким образом, отношение было похоже на непротивление, не более...»

Более 80 % опрошенных считали, что приватизация предприятия не отвечает или отвечает лишь в незначительной степени их личным интересам. Некоторые выражали даже опасения ухудшения своего положения. Информированность людей об условиях и целях приватизации была низкой...»

Наименьшей активностью отличались рядовые работники, наибольшей – руководители... Рабочие проявили наименьшую заинтересованность в акционировании (согласна с приватизацией лишь половина опрошенных, намеревались покупать акции своего предприятия за деньги 37 %). Именно они в первую очередь выражали опасения ухудшения своего положения. С их стороны никаких организованных выступлений ни за приватизацию, ни против нее не было. ИТР заняли среднюю позицию. Среди руководящих работников выделяется группа руководителей верхнего уровня. Они, так сказать, полностью повернулись лицом к приватизации и продвигают ее... . Данная группа доминирует в проведении приватизации.

Руководство предприятия занимало однозначную позицию в вопросе распределения акций между работниками, состоявшую в недопущении преобладания коллективной собственности. Здесь сказывались как личные интересы высшего звена руководства, так и желание выполнить требования программы приватизации» [29].

Вот неопределенность: согласны с приватизацией завода около

60 %, но при этом 80 % работников считают, что приватизация предприятия не отвечает или отвечает лишь в незначительной степени их личным интересам. Ведь одно это должно было насторожить социолога. Каков ход мысли многотысячного коллектива рабочих, которые соглашались с изменением, противоречащим их личным интересам? Можно ли принимать такое «согласие» за рациональный осознанный выбор? Это, скорее, именно признак манипуляции сознанием.

Рабочие ни за, ни против, ИТР тоже, активно за приватизацию руководители верхнего уровня. Они и были информированной и сплоченной группой и успешно добились своих целей. При свободе выбора в таком случае возникает социальное противоречие и какая-то форма протеста.

Академик Т.И. Заславская, видный идеолог перестройки, в 1995г. так говорила об отношении населения к приватизации: «Что касается экономических интересов и поведения массовых социальных групп, то проведенная приватизация пока не оказала на них существенного влияния... Прямую зависимость заработка от личных усилий видят лишь 7% работников, остальные считают главными путями к успеху использование родственных и социальных связей, спекуляцию, мошенничество и т.д.» [30].

Иными словами, открытого протеста, по ее мнению, не было. Хотя после приватизации 93 % работников не могут нормально жить – так, как жили до приватизации, за счет честного труда. Они теперь вынуждены искать сомнительные, часто преступные источники дохода («спекуляцию, мошенничество и т.д.»). Тут в формулировке социолога, согласно которой *приватизация не повлияла на экономическое поведение*, явная натяжка. Но протест и экономическое поведение – разные вещи.

Однако другие социологи (в том числе и либерального направления) оценивают установки работников иначе. Уже в 1994 г., еще в ходе приватизации, они наблюдали важное явление – неприятие приватизации сочеталось с молчанием населения. Многие тогда замечали, что это молчание – признак гораздо более глубокого отрицания, чем явные протесты, митинги и демонстрации. Это был признак *социальной ненависти*, разрыв коммуникаций – как молчание индейцев во время геноцида.

Н.Ф. Наумова писала, что «российское кризисное сознание формируется как система защиты (самозащиты) большинства от враждебности и равнодушия властвующей элиты кризисного общества». На это важное наблюдение В.П. Горяинов заметил: «Сказанное как нельзя точно подходит к большинству населения России. Например, нами по состоянию на 1994 год было показано, что по структуре ценностных ориентаций население России наиболее точно соответствовало социальной группе

рабочих, униженных и оскорбленных проведенной в стране грабительской приватизацией» [8].

Здесь произнесено символическое определение: *грабительская приватизация*. Это – осознание приватизации как зла. Запомним это определение приватизации как грабительской, оно будет важно при интерпретации более поздних опросов.

М.К. Горшков пишет по результатам опросов 2001 г.: «Один из ключевых вопросов – как оценивают россияне свое прежнее и нынешнее отношение к реформам начала 90-х годов. Так, почти половина опрошенных заявила о том, что десять лет назад они в той или иной степени поддерживали начавшиеся тогда экономические и политические реформы, тогда как 34 % либо сомневались, либо были категорически против них. Отвечая же на вопрос о своем нынешнем отношении к реформам, наши сограждане оказались более сдержанными и критичными. В результате негативные оценки десятилетнего периода реформ являются сегодня преобладающими. Так оценивают их 60% респондентов. Изменили свою точку зрения, прежде всего, те, кто заявлял о том, что еще на начальном этапе реформ занимал колеблющуюся позицию. Вместе с тем, и среди бывших твердых сторонников реформ оказалось достаточно много тех, кто изменил свое отношение к реформам со знака плюс на знак минус – это более 40 % опрошенных» [4].

Ж.Т. Тощенко ввел термин *метаморфозы* – «своеобразный результат деформаций общественного сознания, знаменующий появление его превращенных форм на всех уровнях социальной организации общества» [6]. При этом фундаментальной причиной таких деформаций «на всех уровнях социальной организации общества» он считал именно *приватизацию*. Это был поистине коренной сдвиг в экономике и политике, более того, во всем жизнеустройстве народа. Состояние, при котором рабочий согласен на приватизацию и одновременно чувствует, что она противоречит его интересам – хороший пример такой метаморфозы. Но когда метаморфозы подобного типа происходят «на всех уровнях социальной организации общества», речь уже идет о национальной катастрофе.

Он писал: «Вступление России в 90-е гг. в рыночную экономику усугубило процессы деформации общественной жизни, породив новые метаморфозы общественного сознания с еще более глубокими и кардинальными социальными последствиями. Эти превращенные формы общественного сознания особенно мощно стали формироваться в связи с реализацией политики экономических реформ и в первую очередь приватизацией, которая имела на первом этапе облик ваучерной

(1992–1994), на втором этапе (с 1994 г.) – денежной, продолжающейся до сих пор» [6].

Если так, то искренний переход тех, кто в момент приватизации был ее противником, в лагерь ее сторонников, почти невероятен. Травма была глубока, и дальнейший ход событий ее лишь углублял. Но жить надо, и люди надели маски – это вполне разумный конформизм. Гораздо вероятнее был переток сторонников приватизации в лагерь ее искренних противников.

Это предположение подтверждается изучением отношения к перестройке, которая воспринимается как подготовительный этап реформы. Спустя 20 лет исследователи пишут: «После 1988 г. число поддерживающих идеи и практику перестройки сократилось почти в два раза – до 25 %, а число противников выросло до 67 %. И сегодня доля россиян, позитивно оценивающих перестройку, хотя и несколько возросла и составляет 28 %, тем не менее, большинство населения оценивает свое отношение к ней как негативное (63 %)» [7].

А общий вывод из этого исследования 2005 г. весьма жесткий: «Приведенные данные фиксируют очень важное обстоятельство – *ни перестройка сама по себе, ни последовавшие за ней либеральные реформы, ни социальные трансформации сегодняшнего дня не смогли создать в России той общественной «среды обитания», которая устроила хотя бы относительное большинство населения»* [7].

В исследовании, проведенном в июне 1996 года (общероссийский почтовый опрос городского и сельского населения), сделан такой вывод: «Радикальные реформы, начатые в 1992 году, получили свою оценку не только на выборах, но и массовом сознании. Абсолютное большинство россиян (92 % опрошенных) убеждено, что «современное российское общество устроено так, что простые люди не получают справедливой доли общенародного богатства». Эта несправедливость связывается в массовом сознании с итогами приватизации, которые, по мнению 3/4 опрошенных, являются ничем иным как «грабежом трудового народа» (15 % не согласны с такой оценкой, остальные затруднились с ответом).

Девять из десяти взрослых жителей страны считают, что «основные отрасли промышленности, транспорт, связь должны быть собственностью государства, принадлежать всему народу, а не группе людей». Серьезные аналитики и политики не имеют права не учитывать такую позицию трудящегося населения страны, как бы они ее не оценивали.

Данные опроса подтвердили ранее сделанный вывод о происходящем ныне процессе преобразования латентной ценностной структуры

общественного мнения в форме конфликтного сосуществования традиционных русских коллективистских ценностей, убеждений социалистического характера, укоренившихся в предшествующую эпоху, и демократических ценностей, индивидуалистических и буржуазно-либеральных взглядов на жизнь» [9].

Вот главное: 75 % воспринимают приватизацию как грабёж. Эта травма так глубока, что произошел раскол общества по ценностным основаниям. Здесь – сложная методологическая проблема. Какой должна быть программа социологических опросов при наличии «латентной ценностной структуре общественного мнения в форме конфликтного сосуществования» двух разных систем ценностей? Как интерпретировать ответы людей, приверженных разным системам? Ведь одна часть опрошенных надеется прожить под покровительством экономического и административного капитала, а другая ведет катакомбное духовное бытие. Строго говоря, программы социологических исследований должны строиться по-разному для разных частей расколотого общества – системы ценностей у них разные, значит, и смысл понятий и терминов разные, для них нельзя (или очень трудно) найти какие-то «стыковочные» понятия.

Здесь – проблема несоизмеримости ценностей двух общностей, но в российской социологии об этой проблеме не говорят и как будто вообще не слышали о ней.

Сделаем небольшое методологическое отступление. Реально, приватизация 1990-х годов сопровождалась замалчиванием важного знания об этом процессе, включая знание о свежем опыте приватизации в Польше и Венгрии. Более того, имела место и дезинформация о важных сторонах проблемы конкретно России. Граждане осознали этот факт слишком поздно, но это стало важным фактором раскола общества и углубления кризиса 90-х годов. Понятно, что социолог не должен своими вопросами оказывать идеологическое давление на опрашиваемых, но разве не требует научная этика дать им хотя бы минимум объективного знания, которого их лишили политики?

Конкретно, в случае приватизации социологи оказались в такой ситуации. Выше говорилось о работе в 1992 г. группы ведущих экспертов (М. Кастельс, А. Турен, Ф.Э. Кардозу, М. Карной и С. Коэн), которые обсуждали с членами Правительства России (в том числе с Г.Э. Бурбулисом, Е.Т. Гайдаром, А.Н. Шохиним) доктрину приватизации. Но ведь в качестве экспертов с российской стороны выступали видные социологи – профессора Ю.А. Левада, Л.Ф. Шевцова, О.И. Шкаратан и В.А. Ядов. Им сказали, что «существующая концепция массовой приватизации яв-

ляется главной ошибкой, которую Россия может совершить в ближайший год реформ» и привели веские доводы, совершенно понятные и неоспоримые для социологов.

Ведущие российские социологи услышали эти суждения и доводы в ходе прямой дискуссии. Ну ладно, политическое руководство скрыло это знание от общества и населения – нечего о нем и говорить. Но разве не требует профессиональная этика социологов ввести это знание в научный оборот, чтобы исследователи могли учесть его в своих исследовательских проектах? Разве социолог – не врач и просветитель для общества? Тут он скорее выглядит как боец идеологического спецназа в информационно-психологической войне против народа своей страны.

Производным от этой проблемы является такой вопрос: кому предназначено знание, полученное в социологическом исследовании? Этот вопрос лежит в плоскости *социодинамики* знания, но он непосредственно влияет и на когнитивную структуру исследования. Одно дело, когда социолог строит программу исследования как разведчик, отправленный властью в общество, как «в тыл противника». Он должен добыть достоверное знание, но структурированное особым образом – исходя из доктрины «холодной гражданской войны», каковой является технократическая «демократия решений». Другое дело, когда социолог следует нормам науки как открытого знания, способствующего рациональному самопознанию общества и государства и выработке общественного договора.

В условиях кризиса, вызвавшего глубокий конфликт ценностей и интересов, часто происходит смешение когнитивных норм и методов, и открытые публикации результатов исследования составляют странный гибрид политкорректности, умолчаний и искажения меры. Это и становится одним из генераторов метаморфоз общественного сознания, поскольку транслируется из обществоведческой литературы в массовое сознание через СМИ. Через обратную связь это дискредитирует исследование, и их результаты становятся все менее достоверными.

Вот поучительный случай. В октябре 1993 г. ВЦИОМ объявил о положительном отношении населения к действиям Ельцина против Верховного Совета. Основывая свой вывод на основе опроса городского населения, Л. Седов писал, что «результаты этих событий были восприняты россиянами как ожидаемое потрясение на пути установления порядка и предотвращения сползания страны к хаосу и анархии». Он обосновал свое заключение о мнении всего населения тем, что 26 % респондентов, «не будучи сбиты с толку декларациями законодательной власти, думают, что этот сдвиг осуществлен во имя демократии» [3].

Это как, господа «демократические социологи» – положительную оценку 26 % респондентов объявлять «отношением населения»? Скорее, это – крайнее выражение «метаморфоз обществоведческого сознания», но их мягкое проявление наблюдается во множестве публикаций. Судя по частоте этого явления, дело не в цинизме и не в страхе перед работодателями, а именно в деформации когнитивного аппарата. Но слепой поводырь слепому не нужен!

Вернемся к отношению населения к приватизации.

В обзоре результатов общероссийского исследования «Новая Россия: десять лет реформ», проведенного в конце 2001 г. Институтом комплексных социальных исследований РАН под руководством М.К. Горшкова [4], говорится: «Проведение ваучерной приватизации в 1992–1993 гг. положительным событием назвали 6,8% опрошенных, а отрицательным – 84,6 %».

Даже разгон Верховного Совета России с расстрелом из танков здания в октябре 1993 г. не вызвал такого возмущения: его оценили «скорее положительно» 26 %, «скорее отрицательно» 38,3 % и «безразлично» 35,6 %.

Таким образом, в 2001 г. общественная оценка приватизации была однозначно *негативной*. От неопределенности 1992–1993 гг. подавляющее большинство населения России сдвинулось к тяжелой молчаливой ненависти к центральной акции всей реформы – ограбления народа в форме приватизации под прикрытием обмана.

Пройдем дальше по оси времени. Вот сравнение результатов двух исследований – 1998 и 2003 гг. Предмет – «отношение к кардинальным реформам, социально-экономическим переменам, которые произошли в нашей стране с начала 90-х годов. Важнейшая из них – приватизация общественной собственности» [10]. Метод – измерение толерантности жителей Москвы – специфической выборки контингента, в наибольшей степени приверженного ценностям рыночной реформы.

Автор, профессор РАГС В.М. Соколов, пишет: «Уровень толерантности москвичей виден из ответов на вопрос «Нужно ли в судебном порядке пересмотреть итоги приватизации, проводившейся в нашей стране с 1992 по 2000 гг.?» 32 % уверены, что «обязательно нужно». «В какой-то мере, может быть, и нужно» – 33; «не нужно» – 18; затруднились с ответом – 17 %.

То есть, 65 % горожан не только отрицательно относятся к прошедшей в нашей стране приватизации, но и выступают за ее полный или частичный пересмотр. Столь же нетерпимо отношение москвичей к основным авторам и исполнителям данных реформ: Е. Гайдару, А. Чубай-

су, другим активным деятелям, проводившим социально-экономические реформы 90-х годов (свободные цены и т.д.)... 33 % относятся отрицательно, так как «они принесли России больше вреда, чем пользы»; 30 % высказались резко отрицательно, считая, что «надо судить за их дела».

Неоднозначные установки москвичей были выявлены в результате изучения отношения населения города к очень богатым людям в России. 10% респондентов ответили: «Уважаю в любом случае»; 29% – «Уважаю, но только в том случае, если богатство получено честным путем»; 21 % – «Не уважаю, так как в России нельзя получить большое богатство без обмана, мошенничества, присвоения общественного добра»; а 24% ответивших считают, что обязательно надо в судебном порядке рассмотреть деятельность всех российских миллионеров, каким способом они разбогатели.

Таким образом, низкий уровень толерантности к богатым характерен для 45 % опрошенных, терпимое отношение – почти 40 %. По сравнению с данными опроса по аналогичной проблеме, проведенного в 1998 г., толерантность москвичей в этом отношении заметно выросла. Пять лет назад только 5 % опрошенных уважали богатых людей и почти 60 % требовали той или иной репрессивной меры по отношению к ним» [10].

Десять лет наблюдений за последствиями приватизации позволили социологам выявить ряд явлений, которых массовое сознание в хаосе 90-х годов не фиксировало и не включало в образ, создаваемый в ходе «культуральной работы» двух сторон баррикады. Вот некоторые элементы реальности, которые были означены и ассимилировались общественным сознанием. Это, прежде всего, осознание *неизбежности* того типа массовой бедности, которую породила приватизация как лишение половины населения «дивидендов», которые она получала от общенародной собственности.

Н.М. Римашевская пишет: «Устойчивая» бедность связана с тем, что низкий уровень материальной обеспеченности, как правило, ведет к ухудшению здоровья, декалфикации, депрофессионализации, а, в конечном счете – к деградации. Бедные родители воспроизводят потенциально бедных детей, что определяется их здоровьем, образованием, полученной квалификацией. Социальные исследования устойчивости бедности подтвердили эту гипотезу и показали, что люди, «рождающиеся как постоянно бедные», остаются таковыми в течение всей жизни...

Возникла категория «новых бедных», представляющих те группы населения, которые по своему образованию и квалификации, социальному статусу и демографическим характеристикам никогда ранее (в советское

время) не были малообеспеченными. Все специалисты пришли к выводу о том, что работающие бедные – это чисто российский феномен...

Драматичность ситуации состоит в том, что две трети детей и одна треть престарелого населения оказались «за порогом» социальных гарантий, в группе бедности. Между тем, основная часть пожилых людей своим прошлым трудом обеспечила себе право на, по крайней мере, безбедное (по «новой метрике») существование, а с бедностью детей нельзя мириться, т.к. она несомненно приводит к снижению качества будущих поколений и, как следствие – основных характеристик человеческого потенциала нации» [11].

Известно, что приватизация промышленности непосредственно ударила по производственному персоналу предприятий и прежде всего по рабочим. Они – главный объект социального воздействия реформы, причем воздействия системного, вплоть до деклассирования. Вот оценка этого воздействия: «С наступлением кардинальных реформ положение рабочих ухудшалось, притом практически по всем параметрам, относительно прежнего состояния и в сравнении с другими социально-профессиональными группами работников. Занятость рабочих – первая, пожалуй, наибольшая проблема, выпавшая на их долю во время кардинальных преобразований. Число безработных доходило до 15%; нагрузка на 1 вакансию – до 27 человек; неполная занятость в промышленности была в 2–2,5 раза выше среднего уровня; число рабочих, прошедших состояние полностью или частично незанятого с 1992 по 1998г., составило 30–40 млн. человек, что сопоставимо с общей численностью данной группы.

Крушение полной занятости сопровождалось материальными, морально-психологическими лишениями, нарушением трудовых прав: длительным поиском нового места работы, непостановкой на учет в центрах занятости, неполучением пособия по безработице и других услуг, «недостатком средств для жизни», в т.ч. «для обеспечения семьи, детей», «моральным унижением», по некоторым данным – даже разрушительными действиями на личность» [13].

Крайняя степень депривации – бездомность, большинство жертв которой в прошлом были рабочими, которых приватизация лишила их рабочих мест. Вот оценка состояния этой проблемы на 2003 год: «Всплеск бездомности – прямое следствие разгула рыночной стихии, «дикого» капитализма. Ряды бездомных пополняются за счет снижения уровня жизни большей части населения и хронической нехватки средств для оплаты коммунальных услуг... Бездомность как социальная болезнь приобретает характер хронический. Процент не имеющих жилья по всем пока-

зателям из года в год остается практически неизменным, а потому позволяет говорить о формировании в России своеобразного «класса» людей, не имеющего крыши над головой и жизненных перспектив. Основной «возможностью» для прекращения бездомного существования становится, как правило, смерть или убийство» [14].

Бездомность сопряжена с приватизацией двойной связью: приватизация предприятий лишила массу людей рабочих мест, а приватизация жилья позволила изъять его у людей, оставшихся без средств к существованию (так же, как приватизация общинных земель всегда вела к обезземеливанию крестьян). Исследователи бездомности пишут в 2003 г.:

«Начавшееся в 90-е годы реформирование российского общества породило резкую социальную дифференциацию... . Нынешняя российская действительность возвратила нас в мир, где бездомность приобрела характер социального бедствия, не только в силу многочисленности этой категории, но и из-за явной тенденции ее роста...»

Каковы же причины роста бездомности? Одной из основных причин являются резкое ухудшение социально-экономического положения в стране, трудности или невозможности адаптации части ее населения к новым условиям жизнедеятельности... . Объективно способствует росту бездомности проведенная в начале 90-х годов приватизация и создание рынка жилья, возможность его купли-продажи. Среди воспользовавшихся этой возможностью были безработные люди, которые, продав свою квартиру или дом, оказались на улице, а вырученные деньги попросту пропивали» [15].

Наконец, приватизация деформировала общественную систему «сверху». Принять господство олигархических структур (плутократии) – это немислимый регресс, к которому общество с современной культурой не может примириться. Это состояние может быть терпимо лишь как временная аномалия.

А.Е. Крухмалев пишет: «В России утвердившийся в первой половине 1990-х гг. режим, связанный с именем Ельцина, во многом способствовал формированию плутократии. В экономической сфере стал господствовать частнособственнический уклад. Свобода предпринимательства и результаты конкуренции (банкротство и поглощение проигравших) вели к возникновению монополий, чудовищной концентрации и централизации капитала... . В России были особенности, стимулирующие возникновение плутократии. Имеется в виду, прежде всего, специфика методов проведения приватизации «сверху» с помощью указов президента, без обсуждения и принятия законов. Реализовывала ее сугубо бюрократическая организация – Госкомимущество РФ, Раздел общественной

собственности происходил путем передачи ее не всем гражданам, как первоначально пропагандировалось, а «своим», так называемым, «эффективным собственникам», которых режим пытался создать в кратчайшие сроки из поддерживавших его «активистов». Особенно «лакомым куском» стала добыча нефти. Приватизация, по сути дела, проходила вне рыночного механизма. Имитировалось, в частности, конкурсное распределение через пресловутые залоговые аукционы 1995 г. Масса предприятий по низким ценам попала в руки склонных к плутовским приемам дельцов... Это порождало дальнейшую неразбериху в разделе и переделе собственности, вело к росту криминализации в сфере экономики» [16].

В исследовании 2004 г. сделан такой кардинальный вывод: *«Чрезмерная поляризация общества, прогрессивное сужение социальных возможностей для наиболее депривированных его групп, неравенство жизненных шансов в зависимости от уровня материальной обеспеченности начнет в скором времени вести к активному процессу воспроизводства российской бедности, резкому ограничению возможностей для детей из бедных семей добиться в жизни того же, что и большинство их сверстников из иных социальных слоев»* [12] (выделено авторами статьи).

Трудно представить себе общество, которое положительно оценило бы такой тип социального бытия – даже если бы в опросе не участвовали бедные.

Приведем данные некоторых поздних крупных исследований, в которых опрошенные дают косвенные оценки приватизации через свое отношение к вызванным ею изменениям в жизнеустройстве. Вот сравнение результатов двух больших исследований образа жизни: в 1981–1982 гг. (опрошено 10150 человек) и в 2008 г. (опрошено 2017 чел.). Общий вывод таков: *«Наиболее противоречиво оцениваемые изменения в российском образе жизни за прошедшие четверть века произошли в одной из главных сфер человеческого взаимодействия и общения – в микросреде»* [17].

Авторы (А.А. Возьмитель и Г.И. Осадчая) пишут: *«Общий вектор происшедших изменений – активное расширение зоны действия норм негативных и сужение позитивных. Так, в 8,4 раза уменьшилась доля микросред, в которых почти все люди уверены в завтрашнем дне, и в 2 раза стало меньше тех, в ближайшем социальном окружении которых также почти все стремятся работать как можно лучше... В 4,4 раза стало больше людей, в ближайшем социальном окружении которых почти все озабочены исключительно собой, личным благополучием... Мы наглядно видим, что «лучше работать» постепенно заменяется на «лучше потреблять», взаимопомощь на эгоцентризм, уверенность в завтрашнем*

дне на социальную и национальную напряженность. Все это признаки явной деструкции социальных отношений, масштабы которой достаточно хорошо видны из сравнительного анализа характера социального окружения людей в советское и нынешнее время... Отчетливо видна тенденция замены благоприятной для нормального человека социальной среды на неблагоприятную, паразитически-эгоистическую, агрессивно-враждебную... Все эти процессы являлись прямым результатом вполне определенной экономической, социальной и идеологической политики, проводившейся в пореформенные годы...

Последовательное и целенаправленное разрушение экономических, социальных, политических и идеологических основ советского государства в течение последних пятнадцати лет при фактическом отсутствии созидательно-творческой деятельности (если, конечно, не считать таковой криминальную приватизацию общественной и коллективной собственности, постоянную борьбу за ее передел, а также разрушение принципов солидарности, коллективизма во всех сферах жизни общества) привели к вполне ожидаемым и закономерным результатам: нынешняя Россия – государство, в представлениях сегодняшних россиян, в основном криминальное (65,3 %), основанное на индивидуализме (51,9 %), безнравственное (45,4 %), обирающее своих граждан (47,1 %) бедное (40,7 %), зависимое (36,3 %), слабое (34,7 %), опасное для своих граждан (35,8 %). В основе всех этих «достижений», как показывает исследование, индивидуализм, эгоизм, отчуждение людей друг от друга, насаждаемые в течение двух последних десятилетий...

Правда, результаты нашего мониторинга социальной ситуации в России фиксируют в последние пять-шесть лет улучшение всех составляющих социального самочувствия населения. Однако наметившиеся позитивные сдвиги, как мы видим, не компенсируют социально-экономических и психологических издержек проведенных реформ» [17]⁴.

В.Э. Бойков приводит данные опросов населения в возрасте 18 лет и старше (объем выборочной совокупности – 2400 человек) и экспертов (242 человека), проведенных Социологическим центром РАГС и Институтом социальных исследований (осень 2009 г.) в 24 субъектах Российской Федерации. Предмет – социально-политические ориентации россиян, в которых оценка приватизации выражена косвенно.

⁴В примечании сказано: «Поскольку опрос завершен осенью 2008 г. (примерно в начале мирового финансового кризиса), можно ожидать, что и так весьма критичные оценки современного российского государства сегодня были бы гораздо более жесткими. Синдром, вполне достаточный для подрыва экономических, политических и духовных основ любого государственного образования».

Автор начинает статью с проблемы дезинтеграции общества именно по ценностным основаниям: «Достижение ценностного консенсуса между разными социальными слоями и группами является одной из главных задач политического управления в любой стране. Эта задача актуальна и для современного российского общества, так как в нем либерально-консервативная модель государственного управления, судя по материалам социологических исследований, нередко вступает в противоречие с традициями, ценностями и символами, свойственными российской ментальности» [18].

Каков же главный критерий оценки пореформенного жизнеустройства России при взгляде граждан через призму нравственных ценностей? Автор делает исключительно важный вывод: «В иерархии ценностных ориентаций ключевое значение имеет «социальная справедливость». Для большинства опрошенных она по-прежнему означает преимущественно социальное равенство, что проявляется в оценке различий между людьми по принципу получения ими доходов. Во взглядах респондентов на соответствие оплаты труда трудовым усилиям произошел существенный сдвиг в сторону социального равенства... Оценки социальной справедливости с точки зрения морали предстают как осознание людьми общественно необходимого типа отношений.

Как показывают данные исследований, распределение мнений о сути социальной справедливости и о несправедливом характере общественных отношений одинаково и в младших, и в старших возрастных группах... Именно несоответствие социальной реальности ментальному представлению большинства о социальной справедливости в наибольшей мере отчуждает население от политического класса, представителей бизнеса и государственной власти» [18].

Справедливость – ценность фундаментальная, и приватизации, которую 75 % населения считают грабежом, не может получить позитивную оценку. Ответы, которые социологи принимают за положительные оценки, требуют особой интерпретации, они говорят о том, что у этих респондентов искомая латентная величина «замаскирована» или подавлена каким-то побочным фактором.

Разберем более подробно результаты большого Всероссийского исследования (май 2006 г.), о котором было сказано в начале статьи. Его результаты изложены в статье В.Н. Иванова «Приватизация: итоги и перспективы» [1]. Приведенные в ней данные и их трактовка служат хорошим материалом для обсуждения методологических проблем кризисной социологии. Проблемы, о которых будет идти речь, имеют общий характер, и данное исследование мы привлекаем как объект анализа

именно потому, что оно по масштабу и широте подхода выделяется из частных опросов и позволяет ставить общие вопросы, которые возникли со сменой поколений в первое десятилетие XXI века. Различия в мнении поколений всегда существуют, но именно с выходом на общественную сцену первого *постсоветского* поколения (рождения 1980-х годов и позже) обнаружился разрыв непрерывности, «некоммуникабельность» (несоизмеримость ценностных шкал) молодежи и старших поколений. Это и породило совершенно новые методологические проблемы, которые надо обсудить.

В работе [1] поднят большой ряд проблем – адаптации разных социальных групп и слоев к тому жизнеустройству, которое складывается в ходе реформ, отношения россиян к частной собственности и к общности собственников и т.д. Здесь я затрону проблему интерпретации данных и выводов только по одному вопросу – о той *оценке приватизации*, которая сложилась в обществе за время после ее проведения. Общеизвестно, что приватизация расколола российское общество, а сегодня уже ее осознанная и отложившаяся в культуре *оценка* стала фактором, определяющим динамическое равновесие процессов консолидации и дезинтеграции общества.

Замечу, что здесь не будет идти речи о *нашей* оценке приватизации, это совершенно другая тема. Это не было и задачей исследования [1], оно было посвящено совсем другому социальному явлению – *восприятию* приватизации и ее последствий в обществе. Конечно, сама приватизация и ее восприятие суть разные срезы одного явления, но в аналитических целях мы их разделяем. В известном смысле образ приватизации создается в общественном сознании.

С.А. Кравченко приводит рассуждение Дж. Александера: «Для того, чтобы травматическое событие обрело статус зла, необходимо его *статменовление* злом. Это вопрос того, как травма входит в знание, как она кодируется. ... Я бы хотел предложить само существование категории «зла» не рассматривать как нечто существующее, а как атрибутивное конструирование, как продукт культуральной и социологической работы» [2].

Пожалуй, многие посчитают преувеличением сказать, как Александер, что холокост – это социально сконструированный «культуральный факт». Еще сильнее заострено такое утверждение: «Холокост никогда не был бы обнаружен, если бы не победа союзных армий над фашизмом». Иной конспиролог заподозрит, уж не намекает ли Дж. Александер на то, что холокост – это «культуральный факт», сконструированный сотрудниками союзных армий? Нет, конечно! Но эта аналогия создает

совершенно новую проблему для интерпретации ответов при социологических опросах.

Вот главный вывод исследования, который в отчете (2007г.) выделен курсивом: «Несмотря на расхождения в оценках приватизации, *следует признать, что ее экономические результаты и последствия оцениваются обществом во многом положительно. В значительной степени, как считают опрошенные, те цели и задачи, которые она преследовала, удалось решить*».

Выделим главное – вывод, что *экономические результаты и последствия приватизации оцениваются обществом во многом положительно.*

Этот вывод сразу входит в противоречие с результатами исследований не только 1990-х годов, но и середины нового десятилетия. Тут требовалось выяснить, что респонденты понимают под термином «экономические результаты и последствия». Как можно кризис, приведший к спаду промышленного производства вдвое и к утрате ряда необходимых отраслей назвать «положительным результатом»? Здесь налицо когнитивный (мыслительный) разрыв и между группами опрошенных, и между респондентами и социологами. Ведь этого кризиса 1990-х годов невозможно было не заметить ни новым собственникам, ни тем, кто «потерял» от приватизации. В 2001 г. приватизацию 1992–1993 гг. положительным событием назвали 6,8 % опрошенных, а отрицательным – 84,6 %. Такой разрыв в оценках нельзя оставить без анализа, здесь есть методологическая проблема, которую необходимо хотя бы обозначить.

Поскольку приватизация к 2005–2006 гг. уже стала данностью, то причины такого резкого изменения «оценки общества» надо искать в тех новых факторах, которые возникли за предыдущие пять лет. Назовем те из них, которые лежат на поверхности.

– За пять лет из поля зрения социологов выпала часть противников приватизации, и им на смену пришло новое поколение молодежи, не испытавшее культурной травмы начала 90-х годов. Это изменило баланс отрицательных и положительных оценок, но не могло изменить в такой степени.

• С 2002 г. резко улучшилась конъюнктура на внешнем рынке, в Россию стал поступать поток нефтедолларов, который породил надежды на благополучие. Они вытеснили пессимистические ожидания 90-х годов. Но не могли же эти надежды совсем стереть из памяти образ кризиса 1990-х годов.

• Воздействие на сознание СМИ, которые вели легитимизацию реформы, достигло порога интенсивности и качества, и в сознании части

населения был ослаблен или ликвидирован образ приватизации как зла. Эта часть общества примирилась с приватизацией и «адаптировалась» к новым условиям.

* Новый президент (В.В. Путин), воспринимаемый как антипод Ельцина, завоевал симпатии населения и получил большой кредит доверия. Часть населения «простила» власти приватизацию в знак лояльности режиму.

Все эти факторы не были связаны с приватизацией и не могли изменить ее рациональной оценки, они могли лишь побудить к *забвению*. Без этого не мог бы человек «примириться», надо было прибегнуть к социальной мимикрии. Но это значит, что социолог в исследовании [1] имел дело с социальной маской. Она кивает и улыбается, но выражают ли эти знаки действительное мнение? По каким показателям можно судить о выражении лица под маской?

Человек, чтобы жить, должен как-то справиться с полученной травмой. Он загоняет боль в глубину сознания, и когда его спрашивают об отношении к травме, он говорит не о ней, а о той жизни, которую ему удалось наладить с этой скрытой болью. Но при таком «сознательном забвении» его ответы никак нельзя принимать за индикатор *отношения к травме*. Это было бы большой ошибкой. «Жизнь после приватизации во многом наладилась», – вот как можно трактовать «положительные» ответы.

Перед нами, скорее всего, тот фантом общественного сознания, о котором писал Ж.Т. Тощенко: «В условиях коренных сдвигов в экономике и политике ... в общественном сознании зреют и продолжают существовать взаимоисключающие ориентации, которые противостоят друг другу, исключают друг друга, несовместимы между собой. Исключительность этой ситуации состоит в том, что не только общество, не только социальные группы и слои, но и сам человек как личность парадоксален в своем сознании, представляет уникально-противоречивое явление, которое во многом олицетворяет сегодняшний облик страны» [5].

Но ведь это требует принципиальных изменений в методологии социологических опросов!

Неопределенность вывода усиливается неопределенностью меры: «результаты приватизации оцениваются обществом во многом положительно». Применимо ли здесь выражение *во многом*? Его принятая коннотация означает *в преобладающей части*. Но общность тех, кто положительно оценил результаты приватизации, вовсе не является преобладающей. К тому же в обыденном сознании экономическая и социальная эффективность обычно не разделяются, а при тех опросах, в кото-

рых эти понятия разделяются, подавляющее большинство дает приватизации резко *негативную* оценку.

В докладе сказано: «Оценивая политические и социальные последствия приватизации, 80 % респондентов согласны с тем, что коррупция власти, криминализация и «теневизация» экономики стали массовыми явлениями (число их оппонентов составляет 7 %). Подавляющее число россиян (81 %) считает, что в результате ее произошло разграбление национальных богатств страны (7 % с этим не согласны). Значительная часть (66 %) отмечают, что приватизация до крайней степени обострила социальные проблемы и противоречия (14 % с этим мнением не согласны)» [1].

Но это совершенно противоречит общему выводу. 81 % считают, что в результате приватизации «произошло разграбление национальных богатств страны» – ну как они могли назвать это «положительным результатом»? Что касается «экономических результатов и последствий» приватизации, то вывод об их положительной оценке обществом представляется какой-то совсем уж небывалой метаморфозой сознания. Даже в Москве люди были так травмированы экономическим кризисом, что никакими «культуральными действиями» этого вытеснить из сознания было невозможно. Если бы это было так, то социологи получили бы уникальный феномен для исследования.

Как же объясняют социологи этот парадокс? Вот объяснение авторов исследования: «*Экономические результаты и последствия [приватизации] оцениваются обществом во многом положительно. В значительной степени, как считают опрошенные, те цели и задачи, которые она преследовала, удалось решить*».

Вот в чем дело – операция приватизации промышленности удалась.

Но из того, что цели, которые преследовал грабитель, удалось достичь, никак не следует, что мы эти цели одобряем. Употребив метафору грабежа, которую принимает 75 % населения, мы можем сказать, что грабителям, снявшим с Акакия Акакиевича шинель, «удалось достичь той цели, которую они преследовали». Но ведь подавляющее большинство опрошенных ощущают себя в положении Акакия Акакиевича! Нельзя же констатацию успеха грабителей принимать за их одобрение⁵.

⁵Менее важным, но все же существенным является тот факт, что и цели приватизации население воспринимало нечетко и противоречиво. Этот аспект приватизации даже опрошенные эксперты (обычно более умеренные, чем население) оценили негативно: «Непродуманность и поспешность, с которой проводилась приватизация, слабый учет мирового опыта и игнорирование российской специфики привели к тому, что декларировались одни цели, а на практике все развивалось по иному сценарию. Так считают 85 % экспертов. В итоге реальная собственность, по мнению 67 % экспертов, была распределена в интересах узкого круга лиц, а подавляющее большинство россиян оказались обманутыми» (выделено мной – С.К.-М.) [1].

Возможно, перед нами опять метаморфоза общественного сознания, описанная выше: в суждении о приватизации в контексте поставленных социологами вопросов представление людей расщепляется, из него вытесняется память о самой приватизации. Сознание опрошенных переключается на их отношение не к конкретному социальному изменению 1990-х годов – приватизации отечественной промышленности, – а к совсем иным сторонам общественных отношений. То есть, опрошенные говорят о совсем ином предмете, чем их спрашивают социологи.

Так, в [1] сказано: «По отношению к частной собственности, как социальному институту, российское общество раскололось на три группы. **Первую** группу (ее численность составляет около 20 % от общего числа опрошенных) составляют сторонники института частной собственности. Они (по своим мировоззренческим представлениям) разделяют основные базовые принципы рыночной экономики... Хотя в эту группу входят представители всех слоев общества, однако, как показал опрос, в молодежной среде и среди людей с более высоким уровнем образования сторонников частной собственности значительно больше, чем в более старших возрастных категориях» [1].

Эта группа, видимо, отнесена к тем, кто позитивно оценил приватизацию.

«**Вторую** группу, выделенную по критерию отношения к частной собственности, составляют ее открытые противники. Их численность не превышает 20 %. Эти респонденты по своим идейно-политическим воззрениям изначально являются принципиальными противниками приватизации, и как бы она не проходила, все равно выступали бы с ее критикой и осуждением» [1].

Эта группа, видимо, отнесена к тем, кто оценил приватизацию негативно.

«**Третью**, самую многочисленную группу, составляют респонденты, которые испытывают по отношению к институту частной собственности двойственные чувства. Не являясь яркими противниками или сторонниками ее, они занимают по многим вопросам промежуточную позицию и в зависимости от конкретной ситуации могут становиться на сторону то одних, то других. Общая численность группы составляет около 40% опрошенных» [1].

Но тогда имеет место ошибка в интерпретации. Очевидно, что отношение к *собственности*, в принципе, никак не отражает отношения к *конкретной экспроприации и наделению собственностью*. Если в темном переулке с меня сняли пальто, мое отношение к этой операции никак не

связано с «идейно-политическими воззрениями» на частную собственность. Своими суждениями о частной собственности **все три группы** не дали никакой информации об их оценке приватизации. Возможно, при опросе эти люди подавали какие-то знаки одобрения или порицания приватизации, но по тексту отчета судить об этом трудно.

Неопределенность присуща и следующему выводу о «доминирующей в массовом сознании оценке»: «С позиций "целесообразности" значительная часть респондентов и экспертов считают, что приватизация государственной собственности была полезна для общества, хотя и носила болезненный характер. Эта, как нам представляется, доминирующая в массовом сознании оценка связана с тем, что практически для пятой части россиян (22 %) приватизация и переход к рыночной экономике были лично выгодны им и членам их семей» [1].

Во-первых, неопределенной является мера. «Значительная часть респондентов» – это сколько? Судя по предыдущему утверждению, «полезной для общества» приватизацию считают очень немногие – всего 7 % не согласны с тем, что приватизация привела к «разграблению национальных богатств страны». Ну кто же назовет такое разграбление полезным для общества?

Во-вторых, и это главное, *целесообразность* поведения в условиях социального конфликта не может служить оценкой. В момент грабежа часто оказывается целесообразным подчиниться силе и даже сделать знаки лояльности грабителю, затаив гнев и ненависть. Да и сам факт, что приватизация была лично выгодна 22 % россиян, еще ничего не говорит о том, сколько россиян даже из числа этих 22 % положительно оценивают операцию, в которой им удалось поживиться. Выгода и одобрение – вещи разные и не совпадают очень и очень часто. А что уж говорить о тех, кто явно проиграл от приватизации («был ограблен»)! Ответы, содержащие такую оценку, трудно принять за чистую монету, методология их интерпретации требует еще специальных разработок.

Сомнение вызывает и применение в качестве критерия оценки приватизации ее *соответствия или несоответствия закону*. Исследователи пишут: «Около 15 % опрошенных и 29 % экспертов считают, что приватизация собственности в нашей стране осуществлялась в основном по закону. Большинство же придерживается противоположной точки зрения. Более того, 77 % респондентов уверены, что хозяева крупной частной собственности, в своем большинстве владеют ею не по праву (оппонентов – 10 %, затруднившихся ответить – 13 %)» [1].

Видимо, респонденты здесь смешивают *легальность* и *легитимность*. Одни оценивают приватизацию «по закону», а другие – «по со-

вести». Как известно, приватизация проводилась «по указу», Закон о приватизации промышленных предприятий, принятый Верховным Советом РСФСР 3 июля 1991 года, был проигнорирован. Но на это никто бы не обратил внимания, если бы приватизация получила *легитимность* в массовом сознании (была бы признана правильной «по совести»). Так не вышло, и большинство посчитало ее *незаконной*. Строго говоря, этот ответ тем и важен для социолога, что он неверен фактически – законность определяется не общественным мнением, а *правом*. В момент приватизации, очевидно, действовало *революционное право*, и Указ президента имел приоритет перед Законом. Мнение о незаконности приватизации надежно свидетельствует о ее негативной оценке именно по «суду совести».

Да это прямо следует из такого суждения исследователей: «Тот факт, что образ приватизации, которая проходила в России, начиная с 1990-х годов, носит нелицеприятный характер, не стоит даже обсуждать, так как это становится сегодня общим местом» [1].

Поэтому трудно согласиться с выводом исследования: «Такая ситуация говорит о том, что легитимность приватизации находится, скорее, не в сфере законности и права (которые, кстати, достаточно критично воспринимаются респондентами), а в сфере «целесообразности», как экономической, так и политической» [1].

Скорее, как раз наоборот – Указ президента был достаточным правовым основанием, чтобы считать приватизацию законной, а вот легитимности она не приобрела ни в экономической, ни в политической сфере.

Дискуссионным, на мой взгляд, является вывод, что мнения относительно справедливости приватизации разделились. В отчете написано: «С позиций «справедливости» оценка приватизации населением выглядит вполне в соответствии с логикой анализа. Ответы на вопрос: «Соответствует или нет понятию справедливости...» представлены в таблице 1. Как видно из приведенных данных, если в отношении «законности» приватизации мнение большинства россиян совпадает, то в плане «целесообразности» и «справедливости» ее проведения позиции респондентов разделились» [1].

Выражение «мнения разделились» употребляется в случаях, когда голоса делятся приблизительно поровну. В данном случае основания для такого выражения не видно. Из данных таблицы такого вывода сделать нельзя, «акционирование государственных предприятий» посчитали справедливым 37 %, а несправедливым 59 %. О целесообразности данных нет.

Более того, из этой таблицы следует, что «Возвращение государству всех крупных частных предприятий» считают справедливым 62 % опрошенных, а «Возвращение государству предприятий, добывающих нефть, газ, и другие полезные ископаемые» – 85 %! Считать справедливым такое конфликтогенное действие, как *экспроприация* всех крупных частных предприятий, – это позиция несравненно более радикальная, нежели осудить *приватизацию* этих предприятий. Поэтому вывод о «во многом положительной» оценке приватизации трудно считать обоснованным – где-то здесь есть провал в понимании вопросов или ответов.

В.Э. Бойков в 2010 г. отмечает прямую связь приватизации с проблемой справедливости: «Идею национализации крупных предприятий и сельскохозяйственных земель полностью одобрили более 40% опрошенных, однако общая совокупность показала, что такое отношение к идее национализации для почти половины населения означает, скорее, несогласие с результатами приватизации, чем желание реанимировать прежнюю экономическую систему» [18].

Но восстановление «прежней экономической системы» – совершенно другая проблема. Понятно, что возврат к советским отношениям собственности невозможен («из кризиса не выходят, пятясь назад»), речь может идти только о развитии – уже с гораздо худшего стартового уровня, чем в 1990 г., но ничего не подделаешь, в тот год уже не вернешься. Если человек с развилки поехал не той дорогой и заметил ошибку через 50км, почти никогда нет смысла возвращаться на ту же развилку, приходится искать «третий путь», чтобы приехать в нужное место или выехать на правильную дорогу.

А главное, травма ограбленного не залечивается тем, что у грабителя отнимут и вернут твою вещь – грабежом она превращена, как зомби. Тут требуется сложный ритуал, и народ России еще не решил, как следует обойтись с грабителями. Возможно, даже пожалеют и наградят тех, кто уберет производство.

Для нашей темы важен тот факт, что культурная травма, нанесенная приватизацией, не растворилась в нефтедолларах, а «перекристаллизовалась». М.К. Горшков пишет в 2009 г.: «Лидером негативно окрашенного чувства стало чувство несправедливости происходящего вокруг, которое свидетельствует о нелегитимности для наших сограждан сложившихся в России общественных отношений (испытывают часто 38 %, иногда – 53 %). Острота переживания социальной несправедливости в последние годы несколько притупилась. Во всяком случае, в 1995 г. большинство населения (58 %) жило с практически постоянным ощущением всеобщей несправедливости, а в 2008 г. оно преврати-

лось преимущественно в ситуативное чувство, испытываемое иногда» [19].

Более того, и авторы исследования [1] в повествовательной части приводят данные, говорящие именно о преобладании *негативной* оценки приватизации по критерию справедливости. И по своей интенсивности, и по количественным параметрам эта негативная оценка намного пересиливает положительные последствия (такие как, например, «ликвидация дефицита товаров» – при резком сокращении их производства!).

В отчете написано: «Отношение населения к итогам приватизации носит неоднозначный характер... В «пассиве» итогов [приватизации] респонденты отмечают такие социальные и экономические проблемы, которые она вызвала или обострила: усиление расслоения граждан на бедных и богатых (79 %); рост коррупции (70 %); рост преступности (53%); рост цен на товары и услуги (41 %); распространение бедности и нищеты (39 %); бесправие наемных работников перед хозяевами и работодателями (36 %); дальнейший уход товаропроизводителей в теневую экономику (28 %).

Главным итогом приватизации, по мнению опрошенных, стало изменение общественного строя в России – не стало ни свободного, классического капитализма (только 3 % идентифицировали подобным образом общественно-государственное устройство страны), ни социально ориентированного рыночного строя (5 %), ни «народного капитализма» (2 %). Тот общественный строй, который сложился в России, большинство респондентов определяет как олигархический капитализм (41 %) и «криминальный капитализм» (29 %), который не защищает интересы простых людей, а проводимая государством политика не отвечает интересам большинства населения страны (так считают 67% респондентов)» [1].

Замечу, что нельзя назвать «пассивом» такие последствия, как возникновение *криминального капитализма*. Это именно «актив» – острый и страшный. «Пассивных» результатов приватизации практически нет. Трудно обосновать вывод, что «отношение населения к приватизации носит неоднозначный характер», когда 75 % считает ее грабительской, а 67 % заявляют, что «проводимая государством политика не отвечает интересам большинства населения страны». Здесь под сомнение ставится уже не приватизация, а легитимность самой государственной власти.

Именно поэтому власти невозможно было избежать объяснения с населением, и через десять лет после приватизации Президент В.В. Пу-

тин говорит в «телефонном разговоре с народом» 18 декабря 2003 г.: «У меня, конечно, по этому поводу есть свое собственное мнение: ведь когда страна начинала приватизацию, когда страна перешла к рынку, мы исходили из того, что новый собственник будет гораздо более эффективным. На самом деле – так оно и есть: везде в мире частный собственник всегда более эффективный, чем государство».

Это объяснение, на мой взгляд, неудачно, оно не отвечает уровню возмущения, которое вызвала приватизация. К тому же первый тезис нелогичен. «Народ» у телевизоров ожидал услышать именно «собственное мнение» Президента о результатах приватизации, а не то, «из чего исходили» приватизаторы команды Ельцина. Они, в лучшем случае, исходили из ничем не обоснованного предположения – и ошиблись! Этот вопрос в «телефонном разговоре» давал Президенту хорошую возможность дистанцироваться от «дела Чубайса» и сказать слова, исцеляющие культурную травму общества – ведь требовалась лишь символическая оценка, никто и не ратует за то, чтобы проводить национализацию. Напротив, В.В. Путин солидаризовался с Чубайсом, сказав «мы исходили из того...». Это погасило много надежд...

Второе утверждение из суждения Президента также не соответствует предмету разговора. Речь шла не о том, что происходит «везде в мире», а о том, как «частные собственники» управились с хозяйством именно в России⁶.

Можно с уверенностью сказать, что исследование [1] дало очень богатый эмпирический материал, который позволяет формулировать большое число и методологических, и прикладных проблем. Предварительно можно сформулировать такие задачи.

- Должен ли социолог, составляя программу исследования и формулируя вопросы, использовать то знание о состоянии общества и идущих в нем процессах, которым еще не обладают опрашиваемые?
- В какой мере для социолога допустимо или обязательно информировать привлеченных к исследованию граждан о тех представлениях, которые сложились в научном сообществе об изучаемом предмете?

⁶Кстати, не только в России, но и нигде в мире частный собственник не является более эффективным, чем государство. Эффективность частного предпринимателя и государства несоизмеримы, поскольку они преследуют разные цели и оцениваются по разным критериям. У частного критерий эффективности – прибыль, а у государства – жизнеспособность целого (страны). Сравнивать эффективность частных и государственных предприятий по прибыльности в принципе неверно и потому, что в рыночной экономике государственные предприятия создаются именно в неприбыльных отраслях, из которых уходит капитал.

• Что даст более адекватное знание о мнении или позиции гражданина? Первый подход – побудить его вопросами социолога к тому, чтобы он сам осознал суть социального явления и его последствий (как например, приватизации) и высказал свое суждение. Второй подход – предварительно кратко изложить ему альтернативные взгляды на явление с аргументами за и против, а потом попросить сделать выбор между этими вариантами.

Вопросы непростые. Данная социологом информация повлияет на мнение опрашиваемого, его ответ не будет импульсивным, «наивным». С другой стороны, допустимо ли «злоупотребление незнанием»? Ведь ответы людей, от которых скрыты сведения, позволяющие им сделать более рациональный выбор из альтернативных суждений, влияют на поведение общества и самих этих людей. Не является ли сокрытие информации разновидностью манипуляция сознанием?

Рефлексии социологического сообщества требует и тот факт, что в прикладной социологии наблюдается сдвиг от изучения общественного мнения, к его *формированию*. Имидж беспристрастного знания становится маской. Становится нормой, что социолог задает рамки рассуждений, навязывает понятийный аппарат и узкий набор «ответов». Он *предлагает тему* и определяет, что важно, а что неважно в нашей действительности. Он *проблематизирует* тему, отбирая неявные гипотезы объяснения реальности, а затем прибегает к *редукционизму*, превращая проблемы в упрощенные модели и выражая их «доступными» клише. Что же остается от научного подхода?

История приватизации дала важные уроки, и их следовало бы обсудить. Как пример можно привести опрос ВЦИОМа 1994 г., выяснявший отношение людей к приватизации. Отношение было скептическим, подавляющее большинство в нее не верило с самого начала и, тем более, после проведения. Но при опросе проблема была редуцирована таким образом, что 64 % опрошенных выбрали как самый приемлемый вариант ответа – такой: «Эта мера ничего не изменит в положении людей». Они назвали приватизацию «показухой» (такую семантику им предложили для выражения своего неприятия).

Речь шла о фундаментальном изменении всего социального порядка, которое затрагивало благополучие каждого человека, но из заданных социологами моделей этот смысл был вычищен. Опрос стал инструментом искусственного «отключения» дара предвидения. Как может приватизация всей государственной собственности и, значит, большинства рабочих мест *ничего не изменить* в положении людей! Как может *ничего не изменить* в их положении массовая безработица, которую те же

социологи предвидели как следствие приватизации! Адекватность вопросов структуре проблемы следовало бы считать важным критерием при разработке программы исследований. Нарушение этой нормы, не вызывающее никакой критики коллег, разрыхляет профессиональное сообщество.

С другой стороны, упрощенные модели и клише, предлагаемые социологами, облегчают ответы, создают у респондентов иллюзию «компетентности без усилий». Трудно преодолеть соблазн такого сговора. Если представить респондентам проблему в ее реальной сложности и противоречивости, пусть даже найдя для этого ясные формулировки, то ответы также будут противоречивыми и сложными для интерпретации. Возникает вопрос: должен ли социолог обсуждать в публикации проблему когерентности ответов, выражающих мнение опрошенных? В ситуации когнитивного хаоса и фантомности сознания это делает исследование гораздо более трудоемким. Но можно предположить, что имеет смысл повысить качество выводов за счет сокращения количества эмпирических данных.

К этому вопросу примыкает проблема *несоизмеримости ценностей*. Редуцирование этой проблемы путем предъявления ложных дилемм («Вы за свободу или за порядок?») углубляет раскол в обществе и усиливает «фантомность» общественного сознания. В реальности приходится следовать ценностям не только *несоизмеримым*, но и *конфликтующим*. Политики и демагоги решают эту проблему путем ее примитивизации и дискредитации неудобных для них ценностей (так, в дискурсе реформаторов были репрессированы ценности равенства и справедливости в пользу *эффективности*). Но социологи не должны предлагать обществу этот путь. Образ мира, выраженный в их вопросах, не должен быть снижен за некоторый критический уровень упрощения.

Наконец, в условиях быстрого изменения социальной структуры общества в состоянии его ценностного раскола перед социологом встает сложная проблема *взвешивания* ответов людей из групп, занимающих разное положение в социальном конфликте. Вот, например, в исследовании общественной оценки приватизации обнаружено: «значительная часть респондентов считает, что приватизация была полезна для общества». Исследователи считают, что эта «доминирующая в массовом сознании оценка связана с тем, что для 22 % приватизация была лично выгодна им и членам их семей» [1].

При этом не раз было зафиксировано, что около ¼ населения считают приватизацию «грабёжом». Очевидно, эти люди не считают приватизацию полезной для общества. Выходит, мнение тех, кому приватизация

была выгодна, исследователи посчитали более весомым, чем у «проигравших» («ограбленных»). Их оценка признана *доминирующей в массовом сознании*. Это можно принять, если в исследовании принято, что собственность есть источник и основание доминирования господствующего меньшинства – но тогда надо это представить при интерпретации в ином виде, как трактовку понятия *доминирующий*. Как обосновать и учесть это фактическое неравенство в социологических исследованиях? У большинства населения нет опыта мелких акционеров, которых в 90-е годы шокировало объяснение, что на собрании голосуют не люди, а пакеты акций. Но если эту сторону реальности просто замалчивать, понятийный аппарат социолога становится неадекватным и реальности, и массовому сознанию.

Строго говоря, мы сталкиваемся даже не с разницей веса респондентов из разных групп, а во многих случаях с *несоизмеримостью* их весов, их принципиальным качественным различием. Измеряя частоту разных ответов представителей разных групп, мы часто измеряем совершенно *разные латентные* величины. Уходить от этой проблемы нельзя. Сытый голодного не разумеет. А грабитель разумеет ограбленного? Разве они одинаково поймут вопрос социолога? Вот, спрашивают мнение о приватизации. Рабочий, в результате приватизации потерявший работу, а потом и жилье, видит один образ – и отвечает, что это «грабеж трудового народа». Брокер видит совсем другой образ, и говорит: «полезно для общества».

Эти два образа несоизмеримы, для интерпретации ответов нужен специальный аппарат – если вообще есть задача совместить эти две картины мира. Если такой задачи нет, то надо две общности опрашивать по принципиально разным программам, не говоря уж о вопросниках. И дело не только в адекватности инструментов исследования. Ответы на один и тот же опросный лист углубляют ценностный раскол между и так уже разошедшимися общностями. Как безработный воспримет ответ брокера «полезно для общества»? Как он воспримет вывод, что это мнение – доминирующее? Вероятно, воспримет так: «Значит, я – уже вне этого общества. Ну, что ж, у меня развязаны руки». Что же тогда удивляться интенсивности «российской аномии»!

Голоса *выигравших* и *проигравших* в любом конфликте неравноценны, они *качественно* различны – особенно если выигрыш основан на «грабительской» акции. Это надо учитывать и при разработке программы, и при конструировании выборки. Мнение о травмирующем событии – это продукт непосредственного опыта и его осознания. Очевидно, что неравноценны голоса тех, кто пережил культурную травму привати-

зации, и молодежи, для которой приватизация есть историческое событие, изложенное в жанре реформаторской мифологии. На мой взгляд, задавать одни и те же вопросы людям разных поколений – тем, кто были свидетелями и участниками события, и тем, которые родились позже и знают о нем из идеологизированных источников – очень сомнительный метод. Представьте, на улице произошло ДТП, полиция опросила свидетелей этого события. На завтра следователь собирает *другую* группу людей, которые этого события не видели и слышали о нем краем уха, и просит их высказать свое мнение. А потом ответы опрошенных из обеих групп смешиваются и усредняются.

Молодые люди рождения 1980–1990-х годов не затронуты травмой приватизации, при советском строе в сознательном возрасте они не жили. Они не имеют коллективной истории жизни при общенародной собственности промышленных предприятий. Скупые рассказы взрослых социальную боль другому поколению не передают – тут требуется постоянная «культуральная работа», для которой у «ограбленных» нет ресурсов. Молодежь, строго говоря, и не может оценить – является ли приватизация добром или злом. Она осознала себя уже в совершенно ином социальном поле, у нее иной, нежели у старших, габитус и нет оснований для отрицания приватизации. Они осознали себя уже в мире с частной собственностью на предприятия – у них нет системы координат, чтобы сравнивать этот мир с советской системой.

Более того, частью изъятого во время приватизации национального достояния оплачен потребительский всплеск 2000–2010 гг., который укрепил притязания и ожидания постсоветского поколения и особенно «среднего класса». Общности респондентов из разных поколений и слоев общества говорят о *разных вещах*. И отвечают на вопросы, понятые по-разному, хотя внешне эти вопросы кажутся одними и теми же. Как же можно их ответы усреднять?

В принципе, программа таких исследований должна опираться на «карту» общностей, выделенных соответственно их отношению к тому социальному событию или процессу, которое и представляет изучаемое противоречие (как например, приватизация). Можно предположить, что отдельным срезом проблемы является отношение к приватизации бывших рабочих промышленности, которые сегодня составляют половину социального «дна» России. Чтобы «узнать общество, в котором мы живем», надо понять ход мысли этих рабочих, которые в 1991г. не видели в приватизации социальной угрозы.

По-иному должно строиться изучение познавательной и ценностной системы людей старших поколений и молодежи. В историко-социологи-

ческом обзоре перестройки (2005) сказано: «Среди сторонников перестройки выделяются такие социально-профессиональные группы, как гуманитарная и творческая интеллигенция, студенты, мелкие и средние предприниматели, в меньшей степени инженерно-техническая интеллигенция и военнослужащие. Среди противников – в основном представители малоактивных слоев населения, малоквалифицированные, малообразованные, живущие преимущественно в сельской местности и просто пожилые люди, для которых перестройка означала разрушение их привычного мира (пенсионеры, жители сел, рабочие)» [7].

Какова методология исследования общностей с разным габитусом и интерпретации полученных при опросах столь разных массивов ответов? Этот вопрос у нас еще не разработан.

Литература

1. Иванов В.Н. Приватизация: итоги и перспективы. СОЦИС. 2007, № 6.
2. Краевичко С.А. Культуральная социология Дж. Александера. СОЦИС. 2010, № 5.
3. Шляпентох В.Э. Предвыборные опросы 1993г. в России (Критический анализ). СОЦИС, 1995, № 10.
4. Десять лет российских реформ глазами россиян. СОЦИС. 2002, № 10.
5. Тоценко Ж.Т. Фантомы общественного сознания и поведения. СОЦИС. 2004, № 12.
6. Тоценко Ж.Т. Метаморфозы современного общественного сознания: методологические основы социологического анализа. СОЦИС. 2001, № 6.
7. Перестройка глазами россиян: 20 лет спустя. СОЦИС. 2005, № 9.
8. Горяилов В.П. Социальное молчание как концепция особого вида поведения (о книге Н.Ф. Науумовой «Философия и социология личности»). СОЦИС. 2007, № 10.
9. Рухавишников В.О., Рухавишникова Т.П., Золотых А.Д., Шестаков Ю.Ю. В чем едино «расколотое общество»? СОЦИС. 1997, № 6.
10. Соколов В.М. Толерантность: состояние и тенденции. СОЦИС. 2003, № 8.
11. Римащевская Н.М. Бедность и маргинализация населения (социальное дно). СОЦИС. 2004, № 4.
12. Давыдова Н., Седова Н. Особенности образа жизни бедных и богатых в современной России. СОЦИС. 2004, № 3.
13. Максимов Б.И. Состояние и динамика социального положения рабочих в условиях трансформации. СОЦИС. 2008, № 12.
14. Алексеева Л.С. Бездомные как объект социальной дискредитации. СОЦИС. 2003, № 9.
15. Осинский И.И., Хабеева И.М., Балдаева И.Б. Бездомные – социальное дно общества. СОЦИС. 2003, № 1.
16. Крухмалев А.Е. Плутократия как феномен трансформирующейся России. СОЦИС. 2010, № 2.
17. Вольмитель А.А., Осадчая Г.И. Образ жизни в России: динамика изменений. 2010, № 1.

18. Бойкое В.Э. Социально-политические ценностные ориентации россиян: содержание и возможности реализации. СОЦИС. 2010, № 6.
19. Горшкова М.К. Фобии, угрозы, страхи: социально-психологическое состояние российского общества. СОЦИС. 2009, № 7.
20. <http://forum-msk.org/material/video/2493684.html>.
21. Карбозу Ф.Э., Карной М., Кастельс М., Козн С., Турен А. Пути развития России. Мир России. 2010, № 2.
22. «Представление о справедливости у народа мы сломали ваучерной приватизацией». Петр Авен и Альфред Кох ищут правду о 1990-х. Интервью с Анатолием Чубайсом. 27 августа 2010 – <http://www.forbes.ru/ekonomika/lyudi/55203-intervyu-s-anatolijem-chubajsom>.
23. Демпси Дж. Пора определиться в вопросах собственности. «Файнайншл Таймс», 1991, 16 апреля – Бюллетень ТАСС «КОМПАС», 1991, апрель, с. 57.
24. Ясин Е. Демократы, на выход! «Московские новости», 2003, № 44, 18 ноября.
25. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль. 2003. - с. 194.
26. Яременко Ю.В. Правильно ли поставлен диагноз? Экономические науки. 1991, № 1.
27. «Голос Родины». 1995, № 22.
28. Тощенко Ж.Т. Кентавр-идеи как деформация общественного сознания. СОЦИС. 2011, № 12.
29. Мирошниченко Н.С., Максимов В.И. Приватизация Кировского завода как процесс. СОЦИС. 1994, № 11.
30. Заславская Т.И. Россия в поисках будущего. СОЦИС. 1996, № 3.
31. Шмелев Н.П. Экономические перспективы России. СОЦИС. 1995, № 3.